

Л. А. ФАДЕЕВА

ДИСКУССИИ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДА

В статье рассматриваются основные пункты и перипетии дискуссий об интеллектуалах, определения и трактовки этой категории, оценка роли интеллектуалов и их миссии. Автор характеризует факторы активизации дискуссий и актуализации проблематики интеллектуалов, помещая их в конкретно-исторический контекст. В поле зрения оказываются взгляды и оценочные суждения представителей различных идейно-политических позиций. Хотя контекст статьи представлен политической историей Запада, автор использует сравнительный анализ, сопоставление дискуссий о роли интеллектуалов и интеллигенции.

Ключевые слова: интеллектуалы, интеллигенция, интеллектуальный класс, ответственность, миссия, дискуссии.

Конфликтующие определения

Важную научную и социальную проблему составляет сравнимость и сопоставимость понятий и феноменов. В российской дискуссии о русской интеллигенции на протяжении столетия доминирует позиция, что интеллигенция является уникальным российским феноменом. Ее сторонники упорно игнорируют наличие других точек зрения и других интерпретаций интеллигенции в российской и зарубежной общественной мысли. Противопоставляя российскую интеллигенцию западным интеллектуалам, они оставляют вне поля зрения неоднозначность и дискуссионность концептов и трактовок интеллектуалов.

Финский историк Т. Вихавайнен, автор ряда блестящих работ по истории российской интеллигенции, отмечает как изрядное преувеличение убежденность русских интеллигентов в том, что интеллигенция – уникальный национальный феномен, не имеющий аналогов на Западе. Он справедливо замечает: «Противоположные, конфликтующие определения интеллигенции зачастую служат политическим целям конкретных групп в большей степени, нежели исследованию вопроса». Вихавайнен сравнивает антибуржуазный импульс российских и западных интеллектуалов, приводя примеры Т. Карлейля, Г. Флобера и др., выступавших с резкой критикой мещанства, обывательской пошлости¹.

Кристоф Шарль, руководитель Института новой и современной истории Франции (Institut d'histoire moderne et contemporaine, IHMC), отмечает, что слово «интеллектуалы» во французском языке никогда не будет

¹ Vihavainen. 2006. P. 21.

иметь того же самого смысла, которым наделено в русском языке слово «интеллигенция», – просто в силу того, что каждое из этих слов имеет свою историю. Вместе с тем, он указывает, что в современной Франции модно использовать слово «интеллигенция» как синоним слова «интеллектуал», и отмечает сходство Франции и России, где интеллигенция и интеллектуалы играли в разные периоды истории важную роль².

Термин «интеллектуалы» (*Intellectuelle, intellectual, intellektuellen*) имеет множество дефиниций и различное толкование: люди, “обладающие мужеством отвергать подчинение, не стремясь к господству” (Б. Рассел)³; «интеллектуал – это человек идей и человек науки” (Р. Арон)⁴; “гомогенный интеллектуальный класс, закрытый для центров политической и социальной власти» (Э. Шилз)⁵. Т. Хейк считает, что интеллектуалами можно назвать особую группу людей, обладающих общим самосознанием и чувством превосходства, отчужденности и обособленности.⁶ На взгляд С.М. Липсета, интеллектуалы вследствие увлеченности творчеством, склонности к отказу от традиционного и устоявшегося бросают «вызов тому, что принимается и разделяется обществом в широком смысле»⁷. Й. Шумпетер вопрошает: «Профессия непрофессионалов? Профессиональный дилетантизм? Люди, которые берутся рассуждать обо всем, поскольку они ничего не понимают?»⁸.

Юрген Хабермас утверждает: «Нетрудно набросать идеальный тип интеллектуала, который нащупывает важные темы, выдвигает плодотворные тезисы и расширяет спектр релевантных аргументов, чтобы повысить печально низкий уровень дискуссий в обществе». Он делает важное замечание: «интеллектуалы, оказывающие с помощью риторически заостренных аргументов влияние на общественное мнение, нуждаются в общественности – бодрствующей, информированной, способной на отклик. Им нужна более или менее либерально настроенная публика, и уже поэтому им приходится полагаться на хоть как-то функционирующее правовое государство, ведь в своей борьбе за правду, которой затыкают рот, или за права, которые у кого-то отнимают, они апеллируют к универалистским ценностям. Они – часть мира, в котором политика не исчерпывается деятельностью государства; их мир –

² Шарль. 2005. С. 21, 26.

³ Russell. 1957. P. 19.

⁴ Арон. 2005. С. 187.

⁵ Shils. 1970.

⁶ Heyck. 1982.

⁷ Lipset, Dobson. 1972. P. 164.

⁸ Шумпетер. http://fondint.narod.ru/bibl/alf/24sch/01/schum/schum_kapit.html

это политическая культура возражения, в которой коммуникативные свободы граждан возможно и принимать, и мобилизовывать»⁹. Эти замечания также важны для анализа факторов формирования интеллектуалов как особой социально значимой группы. На взгляд Хабермаса, их, по меньшей мере, три: наличие общественности, публики; определенного правового поля, пространства свободы, в котором можно высказываться и получать отклик; возможность возражать (властям) и мобилизовывать (массы, сколько-нибудь массовые категории).

Литература об интеллектуалах не менее обширна, чем по интеллигенции. Татьяна Голиченко, характеризуя исследования интеллектуалов во Франции¹⁰, приводит внушительную обойму работ «по интеллектуаловедению» (звучит не более «уклюже», чем интеллигентоведение), осуществленных Р. Ароном, Ф. Лиотаром, Р. Дебре, М. Фуко, М. Виноком, Ф. Сиринелли, К. Шарлем, П. Ори, Р. Ризэфелем, П. Брюкнером, Д. Линденбергом, С. Алими, Ж.-К. Мильнером и др. Она справедливо говорит о существовании двух основных трендов в исторической науке – истории интеллектуалов и интеллектуальной истории.

«В настоящее время изучение интеллектуальных традиций (в том числе научных) далеко выходит за рамки истории идей, теорий, концепций, систематически обращаясь к анализу конкретных средств и способов их формулирования в соответствующих текстах, и к судьбам их творцов, и к более широким социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, воспроизводились, интерпретировались и модифицировались», – отмечает Л.П. Репина, фиксируя дрейф истории интеллектуалов к социокультурной истории интеллектуальных сообществ¹¹. На наш взгляд, сопряжение изучения интеллектуальных сообществ с анализом социальных и культурных систем должно сочетаться с характеристикой политического контекста, политических коллизий, процессов и ситуаций. Без этого сложно понять и объяснить остроту дискуссий в интеллектуальной среде, в том числе по поводу того, что собой представляют интеллектуалы и каково их предназначение.

Достаточно посмотреть на названия книг – «Опиум интеллектуалов» (Р. Арон), «Могила интеллектуалов» (Ф. Лиотар), «Позор и слава интеллектуалов» (П. Виерек), «Последние интеллектуалы» (Р. Якоби), чтобы понять насыщенность и эмоциональность этой дискуссии. Наша задача – вписать ее в социально-политический контекст, определить

⁹ Хабермас. 2006.

¹⁰ Голиченко. belintellectuals.eu/publications

¹¹ Репина. 2011. С. 380, 382.

основные пункты и тренды этой дискуссии, продемонстрировать ее связь с конкретными идейно-политическими ситуациями.

Появление интеллектуалов

Считается общепринятым, что понятие «интеллектуалы» появилось во Франции в период дела Дрейфуса. Это был самый острый кризис Третьей Республики, после Буланжистского и Панамского скандалов, угрожавших судьбе республики и гражданским свободам. Э. Золя выступил в защиту несправедливо осужденного за шпионаж на пожизненное заключение офицера генерального штаба, еврея по национальности, Альфреда Дрейфуса, параллельно защищая справедливость и права человека вообще. Он называл дело Дрейфуса «нравственным Седаном», сравнивая его с позорным поражением Франции во франко-прусской войне. В поддержку Дрейфуса после публикации знаменитого письма Золя «Я обвиняю» было собрано в январе-феврале 1898 г. 1500 подписей писателей, ученых, журналистов. К. Шарль поясняет, что в газетах «эта петиция была озаглавлена просто: “Протест”. После чего один из главных антидрейфусаров Морис Баррес напечатал статью, в которой это коллективное письмо именовалось “Протест интеллектуалов”. “Интеллектуалы, писал Морис Баррес, претендуют на то, чтобы быть “аристократами мысли”, а на самом деле они “придурки, стыдящиеся думать так же, как простые французы, полуинтеллектуалы, лоботомированные дворняжки (le chien decerebre), бесштаннные бакалавры (proletariat de bacheliers)”. Ему вторит Шарль Моррас, называющий интеллектуалов “parvenus de l’intelligence”... и объясняющий появление этой категории людей тем, что “...государственная система образования производит слишком много писателей и тем самым плодит proletariat intellectue”¹². Именно с этого момента термин стал общеупотребительным и вошел в широкий обиход. Таким образом, как и многие художественные или политические движения, интеллектуалы получили свое имя из рук своих противников. Уже отсюда становится понятна вся проблематичность наименования “интеллектуал”: дело в том, что изначально это наименование было оскорблением»¹³.

Кстати, через несколько лет аналогичная история произошла в США, когда президент Теодор Рузвельт назвал «разгребателями грязи» журналистов и писателей, расследовавших пути сколачивания состояний и формирования компаний типа Стандарт Ойл, коррупции и махинации. Он полагал оскорбить тех, кто взялся за разоблачения, но поня-

¹² Ухтомский. <http://hvac.livejournal.com/217558.html?format=light>

¹³ Шарль. 2005. С. 294.

тие «макрейкеры» (*muckrakers*) стало обозначением прогрессивных интеллектуалов (М. Твена, Л. Стефенса, А. Тарбелла, Э. Синклера и др.).

К. Шарль пытается найти объяснения, каким образом и почему неологизм «интеллектуал», первоначально обозначавший узкую авангардную группу, смог превратиться в ключевой элемент социально-политической терминологии и выйти далеко за пределы Франции, став общеупотребительным международным термином, предполагающим, однако, отсылку – хвалебную или уничижительную – к французской ситуации¹⁴. Он связывает такое распространение с поисками идентичности как тех, кто сплотился в коллективном протесте по делу Дрейфуса, так и жаждущих сплочения господствующего класса вокруг идеи французской идентичности. На наш взгляд, можно сказать, что идентичности жаждала и та, и другая сторона. Для антидрейфусаров Франция – страна католическая и монархическая, с соответствующими этому атрибутами, для дрейфусаров – республиканская и антиклерикальная. Далекое не все дрейфусары выступали за радикальное изменение социального и политического порядка. Плечом к плечу с социалистом-романтиком Жаном Жоресом в лагере дрейфусаров сражался Жорж Клемансо, будущий министр и премьер-министр буржуазной Франции, уже перенесший позор Панамского скандала. Так что дрейфусарская «колонна» не была однородной. Напротив, как и в последующие кризисные для страны моменты, республиканцы и антиклерикалы принадлежали к разным партийным организациям и социальным группам. А. Франс, Р. Ролан, Э. Ростан и многие другие писатели присоединились к дрейфусарам.

По мнению К. Шарля, и дрейфусарство, и социализм привлекали интеллектуала тем, что «основывались на тяге к реальности, к критике, к истине. Участвуя в таком движении, университетский профессор обретал содержательную социальную роль, не сводившуюся к мандаринской позиции или к защите и оправданию установленного порядка»¹⁵. Так или иначе, условия для формирования интеллектуалов как особой страты сложились, и новое слово «интеллектуалы», которое вначале писали курсивом или с заглавной буквы, начинает распространяться не только во Франции, но и повсеместно, сразу же приобретая политизированность, дискуссионность, оказываясь сопряженным с темами конца, смерти, заката интеллектуалов и их предательства. Раймон Арон писал, что интеллектуалы тесно связаны «с национальным сообществом: они

¹⁴ Там же. С. 17-18.

¹⁵ Там же. С. 63. На языке Жюльена Бенда, в конце XIX в. интеллектуалы «начинают потворствовать политическим страстям». Бенда. 2009. С. 111.

переживают (курсив автора – Л.Ф.) судьбу своей страны в особо острой форме»¹⁶. Рубеж XIX–XX вв. был эпохой, казавшейся прекрасной только на фоне Первой мировой войны¹⁷. Это время характеризовалось беспокойством, напряжением, политическими конфликтами и кризисами, поиском альтернатив социального и политического развития.

Интеллектуалы и интеллектуальная аристократия

И. Нарский считает, что интеллектуалы предстают как «носители ряда черт: 1. культурное кодирование, с помощью которого создают идентичности. 2. восприятие себя как носителей сакрального знания. Миссионерский пыл. 3. двойственное отношение к социальным элитам. Балансирование между безоговорочной кооперацией с властью и радикальной оппозицией ей, чтобы сохранить свою особость»¹⁸. Он опирается на суждение исследователя немецких интеллектуалов Б. Гизена, считающего интеллектуалами «критически рефлексирующую группу в напряженном противостоянии политической элите»¹⁹.

Традиционно роль критически рефлексирующих и противостоящих политической элите интеллектуалов отводится французским интеллектуалам. На противоположном полюсе в дискурсе об интеллектуалах Арон и Манхейм, а вслед за ними и многие другие участники дискуссии размещают английских интеллектуалов, которые представляются им конформистскими, некритическими, лояльными, ничем не угрожающими политической элите, а значит не вполне или совсем не интеллектуалами. Английский кейс действительно отличается от континентальных, однако, есть резон рассмотреть его без политических предубеждений.

Исследователи отмечают, что в Британии конца XIX века носились в воздухе идеи формирования класса образованных людей, обладающих настоящим знанием и правильным мышлением. В словаре впервые появилось слово «интеллектуал» в современном значении, что отражало изменения в интеллектуальной жизни. «Юридических и политических причин, отделяющих их [интеллектуалов] от политической и социальной системы не было, тем не менее, за исключением отношения к политической системе, отчуждение наблюдалось», – пишет Т. Хейк²⁰. Понятие «интеллектуал» чаще употребляется в связи с концепцией «интеллектуального класса», «интеллектуальной аристократии». По мнению Хейка, интеллектуалы в поздневикторианской Англии создали особый социаль-

¹⁶ Арон. 2005. С. 192.

¹⁷ Кертман, Рахимир. 1984. С. 8.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Нарский. 2009. С. 170.

²⁰ Хейск. 1982.

ный класс, оформили идеи относительно культурных функций образованного класса, отношения к религии, экономике и пр.

Д.П. Мирский писал, что впервые интеллигенция в Англии возникает в 1880–1890-е гг. Правда, он меняет термины – в русскоязычном варианте книги всегда значится «интеллигенция», в то время как в англоязычном используется понятие «интеллектуальный класс». Его предшествующее состояние он рассматривал как историю образованного класса, абсолютно идентичного классу собственников, «не стремившегося мыслить независимо и гордившегося своей принадлежностью к высшим слоям общества». В конце же века появляется «новая интеллигенция», непосредственно не заинтересованная в процветании капитализма и являющаяся питательной средой для социалистических идей. Эта интеллигенция начала интересоваться проблемами общества в целом и претендовать на роль выразителя общественных интересов²¹. Первыми интеллектуалами в Британии Мирский называет членов основанного в 1884 г. Фабианского общества, в которое вошли известные публицисты Сидней и Беатрис Вебб, писатели Б. Шоу и Г. Уэллс. Фабианцы выступали за «пропитывание» британского общества идеями социализма в его «муниципальном» виде (муниципальный социализм).

Характеризуя интеллектуалов XIX столетия, известный историк-марксист П. Андерсон в работе «Истоки современного кризиса», в которой стремился объяснить умеренность британского социализма и его недостаточную эффективность, обвиняет их в том, что им не удалось стать борцами, бунтарями, революционерами, что они не смогли создать ничего подобного интеллигенции, связанной общими идеями, как во Франции. Не без доли презрения он характеризовал викторианских либералов как конформистов и простой «придаток правящего класса»²².

Такая характеристика прекрасно иллюстрирует тезис Вихавайнена, что «противоположные, конфликтующие определения интеллигенции зачастую служат политическим целям конкретных групп в большей степени, нежели исследованию вопроса». При всей своей умеренности, по сравнению с марксистами, фабианцы выступали с острой критикой современного им общества, способствовали распространению в образованном классе чувства «социального стыда» (выражение Б. Вебб)²³, предлагали варианты радикального общественного переустройства.

²¹ *Мирский*. 1934; *Mirskiy*. 1935.

²² *Anderson* 1964. P. 32-33.

²³ *Webb*. 1926.

Историки, которые исследуют конкретные, не сугубо политические аспекты интеллектуалов как феномена, полагают, что британских интеллектуалов конца XIX века можно так называть на следующем основании: «Если британские интеллектуалы и не соответствовали марксистской модели интеллигенции, обеспечивавшей ей революционное политическое руководство, они, тем не менее, обладали характеристиками, присущими интеллектуалам во всех обществах»²⁴.

Британский исследователь Ноэль Аннан предложил термин «интеллектуальная аристократия» в связи с тем, что эта категория строила отношения с другими классами на ментальных и моральных критериях, а не на основе богатства или происхождения. В то же время, термин «аристократия» означает, что ее члены были удовлетворены своим положением в обществе, наслаждались благосостоянием и ощущением, что их ценностные ориентации превосходят все другие. У них не было оснований подражать манерам каких-либо других классов, и они наследовали естественную легкость аристократических манер. Следовательно, «интеллектуальная аристократия» избежала аристократического пренебрежения к низам общества, поскольку судила людей по интеллектуальным меркам и могла приветствовать выходца из иных социальных групп²⁵. Христианство без слишком жестких требований и мораль без морализаторства создавали особую нравственную атмосферу, царившую в домах представителей этой страты, материальный и душевный комфорт, взаимопонимание, терпимость, широкий кругозор. Такая атмосфера отражена И. Стоуном в биографии Ч. Дарвина, имевшего тесные родственные, дружеские, интеллектуальные связи с Веджвудами, Алленами и другими семействами «интеллектуальной аристократии». Аннан, правда, обнаруживает у «интеллектуальной аристократии» некоторые предрассудки и определенную ограниченность, в частности, отсутствие чувствительности к красоте, неумение принять и воспринять новые формы искусства, выходящие за пределы собственного опыта.

Однако чаще всего исследователи солидарны с Дмитрием Мирским (до возвращения в СССР – Святополк-Мирским, сгинувшим вскоре в сталинских лагерях), относя к первым британским интеллектуалам членов Фабианского общества, «людей способности»²⁶. Как известно, именно фабианцы оказали наибольшее влияние и на рабочее движение и на формирование британских интеллектуальных традиций. При всем кри-

²⁴ *Goldman*. 1995.

²⁵ *Annan*. 1951. P. 2-3; *Annan*. 1955.

²⁶ *Галкина*. 1984. С. 99-100.

тическом запале Мирского и Андерсона, оба автора-марксиста относили к заслугам фабианцев становление традиции независимости и критического взгляда на социальный порядок и правящий класс, что, по их мнению, является свойствами интеллектуальной элиты. Л. Голдман пишет: «Интеллектуалов привлекали в рабочем классе чувство справедливости, открытость и прямота, практическое знание социальных бедствий. Большинство прогрессивных интеллектуальных движений проявляли уважение к культуре рабочего класса»²⁷. Фабианское общество стало членом созданной в 1900 г. Лейбористской партии, ее мозговым трестом.

Благодаря британским интеллектуалам на рубеже веков появляется «неолиберализм» (автор термина – журналист Л. Хобхауз) как направление социально-политической мысли, как идея прогрессивного государства, которое должно обеспечивать личности безопасность и благоприятные возможности, в противоположность классическому либерализму, основанному на фритредерстве (невмешательстве государства). Парламентские выборы 1906 года, давшие власть либералам, оцениваются в британской истории как вариант революции. По социальному составу в палате общин из 377 либералов 154 принадлежали к интеллигентным профессиям²⁸. Либералы во главе с Дэвидом Ллойд Джорджем заявили программу масштабных реформ, которые должны были вместо государства как ночного сторожа создать государство «всеобщего блага». И социалистически ориентированные интеллектуалы по инициативе Веббов сформировали «клуб содействующих» осуществлению либеральной политики, в котором были задействованы профессиональные эксперты во всех областях: Х. Холдейн – в юриспруденции, К. Хевис – в экономике, С. Вебб – в местном самоуправлении, Г. Уэллс – в литературе, Б. Рассел – в науке. Таким образом, британские интеллектуалы становились «людьми действия» без обращения к радикальным методам.

Еще одно основание, на котором британским интеллектуалам отказывают в праве называться таковыми, это то, что «даже выдающимся бунтарям было свойственно чувство, которое приходит только с личной властью. Шоу и Уэллс могли нападать на британскую классовую систему с сознанием собственного устойчивого положения в данном социальном порядке»²⁹. Романтический сценарий одинокого интеллектуала, противостоящего миру, явно не британский. Но если взять в качестве критериев формирования интеллектуалов как особой группы наличие

²⁷ Goldman. 1995.

²⁸ Tuchman. 1996. P. 369.

²⁹ Fyvel. 1968. P. 26.

пространства свободы, в котором интеллектуалы могли действовать, публики, которая могла на них реагировать, и идей преобразования общества, нет оснований считать, что в Великобритании интеллектуалы не могли быть и не возникли как особая категория. Между прочим, Мирский отмечал, что на рубеже XIX–XX вв. сформировалась не только критически ориентированная по отношению к существующему порядку интеллигенция, но и категория высокобровых/высоколобых (high-brow) интеллектуалов, что означало человека, «высоко поднимающего брови от чувства собственной важности и презрения к филистерам»³⁰. Этот антифилистерский, антимещанский взгляд, является, на наш взгляд, общей чертой интеллектуалов разных стран и в разные времена.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался появлением плеяды блестящих интеллектуалов в ряде стран. Например, в Испании это «поколение 98-го года», включающее таких мастеров, как писатель Мигель Унамуно, философ и публицист Хосе Ортега-и-Гассет, художник Сальвадор Дали, поэт Гарсиа Лорка, режиссер Луис Буньюэль. В начале XX в., как отмечали современники, «реформы носились в воздухе», и во многом такое ощущение было связано с деятельностью интеллектуалов, исследовавших причины бедности рабочего класса и истоки богатства нуворишей, и предлагавших варианты общественного переустройства.

После того, как понятие «интеллектуалы» утвердилось, его стали распространять на предшествующие эпохи. В них и в их авторитетах начали искать основания легитимации существующих порядков. Так, во Франции в качестве классических интеллектуалов оцениваются «властители дум» эпохи Просвещения. Когда президенту Шарлю де Голлю в 1960 г. предложили упрятать выступившего с резким антиправительственным манифестом Жана Поля Сартра в тюрьму, он будто бы ответил: «Вольтеров в тюрьму не сажают». Если даже это не более чем исторический анекдот, то анекдот показательный.

«Предательство интеллектуалов»

Однако просветительский импульс подвергся серьезному испытанию в результате первой мировой войны. Война положила конец «прекрасной эпохе», которая стала восприниматься как время торжества разума и красоты. «Война разрушила надежду, что человеческое бытие становится цивилизованным, надежду, которая вовсе не казалась неразумной в начале XX века», – с грустью констатировал английский писатель Леонард Вульф³¹. У большинства европейских интеллектуалов бы-

³⁰ Mirskiy. 1935. P. 73.

³¹ Woolf. 1969. P. 21.

ло «чувство, что нечто, некая цивилизационная связь, некий простой довоенный образ жизни были разрушены»³².

Шок от первой мировой войны в интеллектуальной среде был мощным и долговременным. Война породила в среде интеллектуалов как «потерянное поколение», так и декадентствующую богему, но более всего она способствовала политизации интеллектуалов. Эпоха мировых войн и революций (1914–1945) привела к их резкой поляризации по политическим взглядам и убеждениям. Значительная часть оказалась увлечена героическим романтизмом Октябрьской революции в России.

Американский писатель Сол Беллоу в статье «Писатели, интеллектуалы, политики: воспоминания о главном» вспоминает: «Для миллионов молодых людей Октябрьская революция превратилась в символ недостижимой свободы и справедливости. На несколько десятилетий революция стала самым значительным историческим событием. Ее горячие сторонники были убеждены, что отныне наступит конец войнам и что революционный пролетариат России несет надежду всему человечеству»³³. Увлечение коммунистическими идеалами университетской молодежи в межвоенный период было повсеместным. Левые клубы создавались при университетах, появилось множество периодических изданий левого толка, интеллектуалы вступали в коммунистические организации.

В 1927 г. французский писатель и философ Жюльен Бенда выступил с политико-философским трактатом «Предательство интеллектуалов», обвинив тех, кто примыкает к коммунистической идеологии, в предательстве учения, составлявшего смысл их (интеллектуалов) бытия, поскольку означает принятие идеологии, «которая отвергает идеи отвлеченной справедливости», полагает, что «истина определяется обстоятельствами». Предательство интеллектуалов выражается в том, что «принимая политическую систему, преследующую практическую цель, они вынуждены принять и практические ценности, не являющиеся духовно-интеллектуальными»³⁴. Под духовно-интеллектуальными ценностями Бенда понимал справедливость, истину, разум, которые являются, на его взгляд, неизменными, бескорыстными и рациональными.

Эта книга стала своеобразным манифестом, который горячо обсуждался во Франции и в 1920-е гг., и в послевоенный период. Бенду тревожило то, что «интеллектуалы усваивают политические страсти», «исполняют свою партию в хоре голосов расовой и политической

³² *Fyvel*. 1968. P. 35.

³³ *Беллоу*. 2005.

³⁴ *Бенда*. 2009. С. 56-58, 61.

ненависти»³⁵. «Следует признать, что в расположенности современного интеллектуала к патриотическому фанатизму первенство закрепилось за немецкими интеллектуалами. Можно сказать, что Германия, создав у себя интеллектуала-националиста и в результате получив наглядное прибавление, сделала этот тип необходимым и во всех других странах»³⁶. Бенда выступил не только как защитник демократии, но и определил те черты, которые присущи настоящим интеллектуалам.

Иной взгляд выражен Антонио Грамши в «Тюремных тетрадах» в «Возникновении интеллектуалов» (в русском переводе – интеллигенции). Грамши критикует представление о наличии независимых интеллектуалов: «Категории традиционной интеллигенции, осознав свою историческую преемственность и свято уверовав в свое особое призвание, начинают считать себя самостоятельными, не зависящими от господствующей социальной группы. Подобная точка зрения не остается без разнообразных последствий в идеологической и политической сферах: легко прослеживается связь всей идеалистической философии с этой позицией части интеллигенции, ибо идеалистическая философия может быть определена как выражение той самой социальной утопии, согласно которой интеллигенция считается “независимой”, самостоятельной, обладающей только ей одной присущими качествами и т. д.»³⁷. По Грамши, «интеллигенты – это “приказчики” господствующей группы», каждая крупная социальная группа создает свою органическую интеллигенцию. Грамши рассматривает примеры возникновения органических интеллектуалов в разных странах, соотносит их с традиционными интеллектуалами. Согласно Н. Боббио, Грамши удается при характеристике интеллектуалов сочетать два подхода – исторический и социологический: знаменитый анализ Грамши, стимулировавший дискуссию по этой теме не только в Италии, имеет и социологические (различия интеллектуалов “органических” и “традиционных”), и исторические черты (вспомним его заметки, посвященные итальянским интеллектуалам, и мысли об их собратьях в других странах)»³⁸.

Грамши, и Бенда остаются авторами, к трудам которых обращаются современные интеллектуалы, стремясь осмыслить свою роль. Современный американский профессор, литературовед и общественный деятель Эдвард Саид отмечает такие различия в позициях Грамши и Бенды: у Грамши органические интеллектуалы динамичны, активно вовлечены

³⁵ Там же. С. 111.

³⁶ Там же. С. 119.

³⁷ Грамши. URL: http://avtonom.org/old/lib/theory/gramshi_ttetradi.html

³⁸ Боббио. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php

в общество, постоянно борются за изменение взглядов и расширение рынков. Для Бенды настоящие интеллектуалы готовы погибнуть за идею, но они, скорее, символические фигуры, нежели вовлечены в практические дела³⁹. На взгляд Саида, позиция Грамши ближе к действительности. Всякий, кто работает в сфере производства и распространения знания, может быть назван интеллектуалом в грамшианском смысле. С другой стороны, сам Саид определяет интеллектуала как «изгнанника и маргинала, дилетанта и автора языка, которым он пытается сказать правду власти»⁴⁰. Саид делает важное замечание: «Ни одна революция не делалась без интеллектуалов, как и ни одна контрреволюция»⁴¹.

Политический контекст, политические страсти определяют дискуссию об интеллектуалах в значительно большей степени, нежели исследовательские интенции. Переиздавая свою книгу в 1946 г., Бенда сопроводил ее большим предисловием, в котором основной акцент сделан на предательстве не левых, а правых, поддержавших фашизм.

Левый интеллектуал как всеобщая совесть

«В течение долгого времени так называемый “левый” интеллектуал брал слово и воображал, что право говорить за ним признают потому, что видят в нем учителя истины и справедливости. Его слушали, или он притязал на то, что его должны слушать как лицо, представляющее всеобщее. Быть интеллектуалом означало, в частности, быть всеобщей совестью», – отмечает М. Фуко⁴². «Идеологическая традиция рационалистически и революционно настроеннойлевой дает более верное объяснение терминов, в которых выражает себя диссидентство французской интеллигенции», – объясняет Р. Арон⁴³. Его книга «Опиум интеллектуалов» (1955) стала попыткой вразумить интеллектуалов, на которую жестче всего отреагировал бывший его сокурник Жан-Поль Сартр, участник Движения Сопротивления, активный общественный деятель, организатор ряда протестных акций, философ-экзистенциалист. «Сартр стал признанным вождем целого поколения, навсегда заняв официальную роль “ангажированного интеллектуала” *par excellence*, тогда как Арон лишь незадолго перед своей смертью добился некоторого (более или менее) широкого признания общественности. Более того, во Франции сложился некий консенсус: лучше заблуждаться вместе с Сартром, чем быть правым вместе с Ароном. Лучше верить вместе с

³⁹ *Said*. 1994. P. 7.

⁴⁰ *Ibid*. P. XIV.

⁴¹ *Ibid*. P. 11.

⁴² Фуко. www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php

⁴³ Арон. 2005.

первым в лучшее грядущее общество, чем убедиться в правоте второго с его обличением коммунизма как «опиума интеллектуалов»⁴⁴. Такая реакция была связана в немалой степени с тем режимом, который представляла собой Четвертая республика. Даже по мнению Арона, она «разочаровывает как верноподданных, так и бунтарей. Она полна негативных достоинств, консервативна перед лицом изменяющегося мира»⁴⁵. Более широкий политический контекст связан с тем, что позиции левых были укреплены в результате их роли в антифашистской борьбе, Движении Сопротивления, послевоенных социальных реформах.

Активность интеллектуалов проявляется в войне манифестов. В 1960 г. появился «Манифест Ста двадцати одного», который, по мнению Н. Кауппи, ознаменовал «начало нового важного этапа в эволюции политической активности французских интеллектуалов». Дело «Ста двадцати одного» навело французской общественности воспоминания о деле Дрейфуса. Подписавшие манифест, по сути, выступили в защиту права на гражданское неповиновение в Алжире, тем самым одобрив разрушение французской колониальной системы и борьбу алжирского народа за независимость. Вслед за этим манифестом появились новые списки и контр-манифесты. Для «подписантов» и широкой общественности этот всплеск политической активности был повторением битвы интеллектуалов с властью, разыгравшейся на рубеже XIX–XX вв.⁴⁶ Это поддерживало романтический идеал интеллектуала, противостоящего миру.

Протестные движения 1960-х на Западе нередко называют «бунтом интеллектуалов». Апогей левых интеллектуалов пришелся на 1968 год. Михаэль Мертес рассматривает 1968-й год как миф со своими темными и светлыми сторонами, но которая утвердила гегемонию левых вплоть до рубежа 1989–1990-х годов⁴⁷. Миф интеллектуалов был сконцентрирован на кредо левых: «Я протестую, следовательно, мы существуем!». Миф имеет свои циклы: начало XX в. с его реформаторским импульсом, политизация интеллектуалов и их активное вторжение в политику в 1930-е, май 1968-го. Лишь в 1980-е правые, неоконсервативные интеллектуалы заявили о себе. Однако разрушить миф им пока не удалось.

Полярные оценки интеллектуалов либо как цвета нации, либо как опасных смутьянов, вредных для общества, относятся все же к левым, критически мыслящим, критикующим власть, предлагающим рецепты общественного переустройства. Левые интеллектуалы в меньшей степе-

⁴⁴ Кильдюшов. 2006.

⁴⁵ Арон. 2005.

⁴⁶ Кауппи. 2000. URL: <http://infoart.udm.ru/magazine/nlo/n45/kauppi.htm>

⁴⁷ Мертес. 2006.

ни включены в стабильный социальный порядок, представляя собой то, что Альфред Вебер назвал «социально не связанной интеллигенцией». К. Манхейм писал, что «маленькие кружки интеллигенции, несмотря на многие присущие им недостатки, являются, благодаря своей позиции аутсайдера в обществе, основным источником вдохновения и динамичного воображения»⁴⁸. Кристоф Шарль считает, что раскол на левых и правых проходил нередко внутри каждого интеллектуала, если иметь в виду ценности и стремление к материальному достатку. Чувство отчужденности интеллектуала возникает из противоречия между его существованием в обществе и творческим существованием⁴⁹.

Хотя французские интеллектуалы представляют референтную группу для интеллектуалов других стран, аналогичные процессы шли и там. Арон, характеризуя США как «ад интеллектуалов» (книга писалась в разгар маккартизма), тем не менее, говорит о значимости этой категории. Он обращает внимание на то, что типичный представитель американских интеллектуалов – не ученый или писатель, а эксперт – экономист или социолог. Необходимо учитывать, что интеллектуальная страта США существенно изменилась в результате «культурной волны 1930-х», миграции интеллектуалов, бежавших из Европы от фашизма. Арон отмечает, что 1953 год отмечен появлением статьи «Америка и интеллектуаль» в «Partisan Review» и вспышкой полемики о «яйцеголовых». Луи Бломфильд иронически оценивал яйцеголового: «Человек фальшивых интеллектуальных устремлений, часто профессор или протеже профессора. Фундаментально неосновательный... Исполненный самомнения и презрения к опыту более здравых и способных людей... Доктринерствующий поборник средневропейского социализма»⁵⁰. В этом обвинении суммированы классические обвинения против интеллектуалов, резюмирует Арон. В то же время в интеллектуальной среде, особенно в университетской, был распространен антимаккартизм. Арон приводит пример, что отказавшийся выступить против Маккарти журналист был исключен из состава редколлегии «Partisan Review». «Всего через пятнадцать лет после того, как маккартизм полностью загнал американских радикалов в подполье, набирал силу новый революционный поток, – фиксирует Макс Элбаум. – Бурные события 1968 года захлестнули ту прослойку молодежи, которая уже попробовала себя в борьбе за социальные перемены и успела втянуться в глубокие идейные искания»⁵¹.

⁴⁸ Манхейм. 1994. С. 451, 450.

⁴⁹ Шарль. С. 61.

⁵⁰ Арон. 2005.

⁵¹ Элбаум. 2006.

«Важно отметить: при том, что на страницах газет и в эфире (равно как на улицах и на территории университетских кампусов) преобладали мнения и оценки левых интеллектуалов, именно американские правые смогли извлечь из событий 1968-го политическую выгоду», – считает Дэвид Кайзер, имея в виду сплочение правых интеллектуалов и их активизацию, приведшую к существенной перестановке сил среди интеллектуалов и к новой дискуссии о них⁵². Американский консерватор Питер Вьерек, рассуждая о славе и позоре интеллектуалов, рассмотрел два смысла слова: 1. инженеры, учителя, врачи, ученые; 2. политические борцы против несправедливости. Он апеллировал к делу Дрейфуса в оценке второго смысла и отметил, что в Америке Уильям Джеймс ввел данное слово в таком контексте. Вьерек называет славой интеллектуалов борьбу в деле Дрейфуса и антифашизм, позором – замалчивание судебных процессов 1930-х, когда тысячи дрейфусов были замучены, и вообще – любое оправдание сталинизма либеральными интеллектуалами⁵³.

«Закат интеллектуалов»

Всегда, когда дискуссия об интеллектуалах усиливается, проблема их ответственности обостряется, активизируется и миф о «закате интеллектуалов» и «смерти интеллигенции». В 1980-е так произошло с выходом в свет книги Рассела Якоби «Последние интеллектуалы», в которой автор фиксировал исчезновение публичных интеллектуалов, писателей и мыслителей, которые адресовали бы свои размышления широкой образованной публике⁵⁴. Он описывает исчезновение интеллектуалов как социально ответственной группы, объединенной вокруг журнала «Нью-Йоркское обозрение». На его взгляд, современный интеллектуал остался только в виде фигуры кабинетного ученого, профессора, которого не интересует мир за пределами лаборатории или кабинета, в то время как публика существует, и потребность в публичном интеллектуале сохраняется. Рассуждения о «последних» интеллектуалах, о смерти интеллектуалов любопытны еще и в том плане, что они исходят из признания существования таковых на протяжении того или иного отрезка времени.

«Болезненное переживание» своей истории более всего относится к немецким интеллектуалам. По мнению Хабермаса, понимание немецкими интеллектуалами своего статуса «восходит корнями к первому поколению после Гёте и Гегеля. Беспокойные литераторы и приват-доценты из числа младогерманцев и левых гегельянцев способствовали

⁵² *Kaizer*. 2008. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ka35-pr.html>

⁵³ *Viereck*. 1965.

⁵⁴ *Jacoby*. 1987. P. 5.

складыванию образа свободно парящего, спонтанно вмешивающегося, зачастую сентиментального, взволнованно полемизирующего и непредсказуемого интеллектуала. Они же приложили руку и к формированию прочных негативных предрассудков вокруг этого образа»⁵⁵.

К. Шарль говорит о корпоративно-аристократическом духе немецкой профессуры, дававшей ей превосходство, но и неспособность взять на себя новую социальную функцию⁵⁶. Социальную функцию взяли на себя «партийные интеллектуалы» Отто Бауэр и Рудольф Гильфердинг, Карл Реннер и Макс Адлер, которые принадлежат «к ушедшей в историю модели идейных левых партий. После 1945 года этому типу уже не было места на Западе»⁵⁷. После второй мировой войны немецкие интеллектуалы активно включились в решение политико-психологических проблем, поставили общество перед необходимостью преодоления национал-социалистического прошлого. Ханна Арендт, Карл Ясперс, Теодор Адорно, Генрих Белль, Вольфганг Кеппен, Зигфрид Ленц и другие подняли проблему исторической ответственности, исторической памяти, проблему искупления, тем самым выполняя миссию интеллектуалов.

Поставленные перед нацией вопросы стали предметом известного «спора историков» в середине 1980-х в ФРГ. «Ю. Хабермас, Ю. Кокка, К. Зонтхаймер превратили собственно научную дискуссию в явление политико-идеологического характера, значимое для всей нации, – пишет российский историк А.И. Борозняк. – Их усилия способствовали формированию в политической культуре немцев ФРГ зрелого исторического компонента, оказывали воздействие на мировоззрение и политическую культуру элиты»⁵⁸. А.И. Борозняк указывает, что в современной, воссоединенной Германии интеллектуалы пытаются противодействовать новому соблазну – переложить всю ответственность за прошлое на плечи восточных немцев. Интеллектуалы выступают против бездумного следования модным веяниям, которое может поставить под угрозу существование с таким трудом утвердившихся в немецкой политической культуре демократических, анти тоталитарных ценностей. В то же время, воссоединение Германии поставило вопросы об ответственности интеллектуалов за «40-летнюю диктатуру СЕПГ», о политической ангажированности и социальной безответственности.

Несмотря на своеобразие исторической ситуации, в Германии дебаты о судьбе интеллектуалов во многом схожи по характеру с дискус-

⁵⁵ Хабермас. 2006.

⁵⁶ Шарль. С. 69.

⁵⁷ Хабермас. 2006.

⁵⁸ Борозняк. 1999.

сиями в других странах. «Я не должен обойти молчанием тот факт, что интеллектуалы, когда они не заняты взаимным переругиванием, больше всего на свете обожают присоединять свои голоса к ритуальному плачу по исчезающему типу “Интеллектуала”», – замечает Хабермас. – Признаюсь, я и сам порой этим грешу. Разве не ощущаем мы пустоту там, где прежде были великие акции и манифесты «группы 47», выступления Александра Мичерлиха или Гельмута Гольвитцера, политические заявления Мишеля Фуко, Жака Деррида и Пьера Бурдьё, вторгавшиеся в актуальную проблематику тексты Эриха Фрида или Гюнтера Грасса?.. Или, может быть, дело в том, что в нашем медийном обществе снова происходит структурное изменение публичной сферы, которое затрудняет существование классической фигуры Интеллектуала?»⁵⁹

Популярны размышления о том, что современные интеллектуалы уступают своим предшественникам по моральным качествам, талантам и общественным способностям. «Прежде интеллектуал был обязан различать “влияние” и “власть” и не употреблять то влияние, которого он добивался с помощью слов, в качестве средства для обретения власти. Его делом было – не забывая о том, что и он может ошибаться, – смело выдвигать нормативные мнения и с фантазией рисовать интересные перспективы», – характеризует Хабермас миссию интеллектуала в недалеком прошлом. Бенда заложил традицию упреков в адрес интеллектуалов за увлечение идеологией. Т. Парсонс опасался, что идеология может вредить функции интеллектуала как исследователя. С.М. Липсет высказывал опасения, что интеллектуалы могут стать апологетами режима. Э. Шилз указывает на то, что независимо от политических ориентаций интеллектуалам не удавалось дистанцироваться от традиций или национальности: ни консервативным интеллектуалам, сожалевшим о разрушении старого порядка, ни либеральным интеллектуалам, мечтавшим о свободном духе и политически человечестве. На его взгляд, отказ от социальной и политической ответственности не есть проявление политического радикализма; «это скорее аполитичная, эстетская, scientистская, иногда религиозная, чаще агностическая, позиция»⁶⁰.

Каждый раз, когда общество недовольно своим состоянием, оно склонно винить в этом интеллектуалов, которые дали неверные рецепты общественных изменений⁶¹. Упреки в отношении левых связаны с тем, что они прямо или косвенно поддерживали тоталитарный режим в Со-

⁵⁹ Хабермас. 2006.

⁶⁰ Shils. 1970. P. 280-281.

⁶¹ Gattone. 2006; The Political Responsibilities of Intellectuals... 1990.

ветском Союзе. Так, поворот французских интеллектуалов в сторону критики левого тоталитаризма, т.е. советского, сталинского режима произошел лишь в конце 1970-х и сопровождался ожесточенной борьбой. Проходил он болезненно. Существует целая теория во французской интеллектуальной мысли, объясняющая не критическое отношение левых интеллектуалов к сталинизму якобинской традицией⁶². Публикация «Архипелага ГУЛАГ», книг Х. Арендт и З. Бжезинского побудили интеллектуалов к критике того, что на протяжении 30 лет они отчаянно защищали. Согласно одной из традиций, объясняющих позицию интеллектуалов, западные интеллектуалы не могли себе представить, что в реальности творится в СССР. Артур Кестлер, говоря о Б. Шоу и Г. Уэллсе, замечает, что в их мире не могло существовать таких вещей, как пытки и лагеря. Другие авторы находят объяснения в умозрительности интеллектуалов, для которых насилие есть нечто метафорическое, в отличие от людей действия: «В душе интеллектуал тяготеет к аристократическому режиму, а не к демократии. Вдобавок он всецело поглощен трудностями, связанными с его работой, а потому весьма туманно представляет себе, что делается вокруг. По мнению Оруэлла, воспевать “необходимые убийства” (как это делал поэт Оден в 30-е годы), могут только те, кто никогда близко не видел трупа»⁶³. На взгляд Э. Геллнера, отказ Сартра признавать злодеяния сталинизма ради своеобразно понимаемых им интересов французского рабочего класса означал утрату политической ответственности⁶⁴. Рассказывают, будто «решившись (с некоторым опозданием) высказать свое мнение о разоблачениях, связанных с ГУЛАГом, Сартр сказал: “Предположим, что все это правда. Однако у нормального человека тут может быть две реакции. Первая — это констатация: “Ну, я же вам говорил! Как глупо было ожидать, что дело обернется иначе!” А вторая: “Черт возьми! Вот и еще одна великая надежда человечества развеялась как дым!”»⁶⁵.

«Крах Советского Союза западные левые ждали, предсказывали и, как правило, приветствовали. Но то, что, по их мнению, должно было стать началом очищения левой традиции от сталинизма, оказалось, по крайней мере, на первых порах, тяжелейшим ударом по социалистической идеологии, как таковой, — отмечает Б. Кагарлицкий. — И дело здесь не только в том, насколько те или иные идейные “семейства” западных

⁶² *Christofferson*. 2004.

⁶³ *Тодоров*. 1998.

⁶⁴ *Gellner*. 1990. P. 27.

⁶⁵ *Тодоров*. 1998.

левых были подвержены влиянию сталинизма. Вместе с Советским Союзом ушла и вера, что в мире практически возможна какая-либо общественная система, кроме капитализма»⁶⁶.

«Мучительный путь» западных интеллектуалов

В этих условиях появились новые акценты в дискуссии о социальной ответственности интеллектуалов и об «утрате ответственности» в посткоммунистических странах. Венгерский исследователь Э. Ханкинс связывает утрату ответственности с разрушением всех видов общностей в коммунистической Венгрии⁶⁷. А вот Я. Куржевский убежден, что коммунистическому режиму в Польше не удалось подмять под себя всю интеллигенцию, которая сохранила, на его взгляд, многие традиции интеллектуальной свободы, что и проявилось в событиях 1980-х гг., когда многие интеллектуалы стали экспертами «Солидарности»⁶⁸. М. Молнар ставит вопросы, которые особенно часто задают в современном мире: Ответственность какая? Перед кем? Он обращает внимание на различие политических позиций интеллектуалов⁶⁹.

Интеллектуалы в посткоммунистических странах начинают дискуссии об интеллектуалах как категории будто бы заново. Болгарский писатель Цветан Тодоров рассуждает: «Что такое интеллектуал? Лично я употребляю это слово лишь в следующем смысле: ученый или художник (писатели включаются в эту категорию), который не просто занимается научной деятельностью или созданием произведений искусства, способствующих познанию истины либо расцвету прекрасного, но еще и небезразличен к общественному благу, к ценностям общества, в котором живет, а следовательно, участвует в споре вокруг этих ценностей. Интеллектуал в таком понимании этого слова равно далек как от артиста или ученого, не заботящегося о политическом или моральном аспекте своего творчества, так и от проповедника или профессионального политика, неспособного творить»⁷⁰. Он объясняет, что живя в коммунистической стране, он считал, что все проблемы интеллектуалов – в отсутствии свободы. Но и в западном обществе интеллектуалу трудно определиться с выбором роли. Тодоров замечает, между прочим, что не случайно романы, которыми мы зачитываемся сегодня, написаны в Азии или в Африке, в Латинской Америке или в Восточной Европе.

⁶⁶ Казарлицкий. 2003.

⁶⁷ Hankiss. 1990. P. 33-34.

⁶⁸ Kurczewski. 1990. P. 97-99.

⁶⁹ Molna. 1990. P. 189.

⁷⁰ Тодоров. 1998.

Везде, где фигура интеллектуала становится заметной, начинается дискуссия о значении понятия, о предназначении и социальной ответственности интеллектуала. Саид пишет, что мир изменился со времен книги Бенды, Европа и европейские интеллектуалы перестали быть эталоном, потому что активен стал третий мир, национальные движения. Французские интеллектуалы сильно отличаются от китайских. Арабские и азиатские интеллектуалы имеют свою историю, свою специфику, со своими проблемами, патологиями и триумфами⁷¹. Мкандавир применяет грамшианскую схему органической/неорганической интеллигенции к африканским реалиям. Он считает одной из причин неудач ряда африканских стран продвинуться по пути демократизации и модернизации «неспособность их политического класса наладить продуктивные отношения с собственной интеллигенцией/ интеллектуалами»⁷². Гелла предлагает отнести в разряд интеллигенции «образованную страту в новых африканских государствах, которая соперничает с национальной буржуазией за национальное лидерство»⁷³. Хасан Бюлент Кахраман называет проблему интеллектуалов одной из главных проблем Турции. Он оценивает историю турецких интеллектуалов как «мучительный путь, с которым связана привычка интеллектуала ниспровергать ценности окружающего его общества и, следовательно, быть в постоянном конфликте с его фундаментальными суждениями и предпочтениями – то, что интеллектуалы постоянно считают своей обязанностью и за что они несут историческую ответственность»⁷⁴. Гуадарам доказывает, что в мексиканском обществе интеллектуалы играют существенную роль и понимаются «простыми людьми» как люди «большого ума», которые напряженно учатся; «мы знаем, что они есть, поскольку они пишут книги, понятные не всем, появляются на телевидении и на страницах газет и журналов, но я не представляю себе, чтобы они были такими, как один из нас». «Их умение мыслить и анализировать действительность пропастью лежит между ними и нами»⁷⁵. Несмотря на все национальные и страновые различия («национальная принадлежность имеет значение, прежде всего, в плане языка». «Интеллектуалы не пишут на испанто. Они рождены в языковой среде, которая имеет свою специфику выражения мысли»)⁷⁶, интеллектуал как феномен сохраняет общее.

⁷¹ Said. 1994.

⁷² *Mkandavire*. Working Paper. EGDI seminar. 24.08.2000.

⁷³ *The Intelligentsia and the Intellectuals...* 1976. P. 23.

⁷⁴ *Кахраман*. 2003.

⁷⁵ *Гуадарам*. 2003.

⁷⁶ Said. 1994. P.26.

Публичные интеллектуалы

Ч.Ф. Гаттон рассматривает как публичного интеллектуала современного социального исследователя. Он напоминает о необходимости держать «здоровую дистанцию» от политики, чтобы не утратить объективности и четкости анализа. Гаттон предлагает рассматривать ученого как исследователя, как преподавателя, как публичного актора и как лидера общественного мнения⁷⁷. Его понимание ответственности исходит из того, что интеллектуал, будучи вовлечен в политические дебаты, должен помнить: мир не состоит из объектов для манипуляций. Став публичным, недопустимо снижать уровень аналитики. Рассуждая о статусе и функциях современных немецких интеллектуалов, об их роли в публичной жизни, предлагаемом ими дискурсе и повестке дня, Р. Бернс и В. Ван дер Вилл обращают внимание на критический потенциал и миссию интеллектуалов, дискуссию интеллектуалов по поводу их предназначения⁷⁸. Сокка и Кангас напоминают об ответственности интеллектуалов, выступающих как посредники между государством и обществом, за развитие идеологий, становление и трансформацию культурной политики⁷⁹. Согласно А. Ганону интеллектуалы составляют относительно гомогенное сообщество или класс, будучи связаны общими ценностями, символами. Однако он указывает, что подобно политическим режимам, это сообщество обеспечивает конкурирующие взгляды и идеологии, и можно использовать методологию Парето («львы» и «лисы») применительно к интеллектуалам, среди которых тоже происходит циркуляция элит. «В результате формируется два типа интеллектуалов: те, которые легитимируют господствующие ценности, и те, которые их отрицают, или, по меньшей мере, ставят под вопрос. Те, кто стремится сохранить status quo, и те, кто стремится его изменить»⁸⁰.

Наступление справа

«Консервативная волна» 1980-х, приведшая к власти сторонников неоконсервативного политического курса, с ориентацией на волшебную силу рынка и невмешательство государства в социально-экономическую сферу (экономический неолиберализм), была порождена правыми интеллектуалами. Так, Алан Свингуд отмечает влияние группы консервативных интеллектуалов, объединившихся вокруг журнала “Scrutiny”, группы немногочисленной, антимарксистски настроенной. Он характе-

⁷⁷ Gattone. 2006. P.133.

⁷⁸ Burns, van der Will. 2006. P. 291.

⁷⁹ Sokka, Kangas. 2007. P. 185.

⁸⁰ Intellectuals in Liberal Democracies... 1987. P. 4.

ризует «новую консервативную интеллигенцию», сформировавшуюся на почве критики консенсуса, в британском варианте, батскеллизма: «Новые правые интеллектуалы – социально интегрированная радикально настроенная группа, тесно связанная с бизнесом и правительством страны». Это Роджер Скрутон, Морис Каулинг, Альфред Шерман, Пол Джонсон⁸¹. Д. Эрман пишет об аналогичной по духу и идеологическим ориентациям группе американских неоконсерваторов-интеллектуалов⁸².

П.Ю. Рахмиров остроумно замечает, что «это течение представлено интеллектуалами с «лица не общим выраженьем»⁸³. Ирвин Кристол, наиболее яркий из них, назвал «отделением интеллектуалов» их негативное отношение к вьетнамской войне и отчуждение от властвующей элиты. «Сам отец-основатель неоконсерватизма уже принадлежал к тем интеллектуалам, которые давно и прочно вошли в истеблишмент и предоставили в его распоряжение свои дарования»⁸⁴. Правые интеллектуалы активно и агрессивно включились в дискуссию о том, что такое интеллектуал и какова должна быть его роль. Кристол упрекает американских интеллектуалов (либеральных) в безответственности, поскольку они отказываются помочь в интеллектуальном и моральном руководстве имперской политикой. Он акцентирует внимание на том, что имперская политика предполагает «ужасное бремя ответственности», а интеллектуалы, не желая разделить это бремя, создают напряженную ситуацию. П.Ю. Рахмиров описывает усилия Кристола, направленные на то, чтобы «сражаться с оппозиционной частью интеллектуального сообщества, «контринтеллектуалами», ставя перед неоконсерваторами задачу «объяснить американскому народу, что он прав, и интеллектуалам, что они неправы»⁸⁵. Но и само это сообщество консервативных интеллектуалов, каковым оно выглядит со стороны, оказывается при глубоком анализе, весьма разнородным, разделенным не только на нео-, палео- и традиционных консерваторов, но и разобценным по многим существенным вопросам американской политики и современного мирового развития.

Публицист Тодд Гитлин, поднимая проблему американских интеллектуалов, в особенности, левых, после 11 сентября, указывает, что их антипатриотическая позиция вызвала рост антиинтеллектуальных настроений. По мнению журналиста, интеллектуалы должны ставить вопросы, прежде всего, перед властью, но не стоять при этом в стороне от

⁸¹ Ibid. P. 96.

⁸² The Rise of Neoconservatism... 1996.

⁸³ Рахмиров. 2007. С. 57.

⁸⁴ Там же. С. 60.

⁸⁵ Там же. С. 61-62.

насущенных политических проблем, включая рост патриотизма⁸⁶. Любопытно, что критика левых приводит к тому, что их «вычеркивают из списка» интеллектуалов, называя «контринтеллектуалами».

Поскольку кросс-темпоральные коммуникации остаются значимыми для современных интеллектуалов, потребовалась атака на интеллектуальных кумиров прошлого. Пол Джонсон в 1988 г. выпустил в свет книгу «Интеллектуалы»⁸⁷, куда вошли очерки об интеллектуалах левых политических взглядов (Руссо, Шелли, Маркс, Брехт, Рассел, Сартр и др.). Вытаскивая нелепые, странные, неприглядные черточки характера, поступки, высказывания своих персонажей (язык не поворачивается сказать «героев»), Джонсон стремится доказать, что такие люди не имели никакого морального права оказывать влияние на других людей и на общество в целом. Интеллектуалы, чье влияние на протяжении двух веков неуклонно возрастало, которые претендовали на ключевую роль в изменении мира, по определению Джонсона, не были и не могли быть свободны духом. Дисбаланс в их жизни приводил к дисбалансу в идеях⁸⁸. Убеждая читателя в своей беспристрастности, Джонсон между тем озаглавил очерки об интеллектуалах так: «Интересный сумасшедший», «Бессердечность идей», «Наперекор», «Сердце изо льда», «Старший брат Бога» и др. В заключении он ставит под сомнение право интеллектуалов указывать другим, как они должны себя вести, и управлять общественными делами: «Как группа интеллектуалы могут быть опасны, поскольку они деструктивны и иррациональны»⁸⁹. Приемы Джонсона банальны, но кажутся убедительными: если каждый персонаж выходит негодяем и самозванцем, заслуживающим беспощадного поношения, как могут они оставаться кумирами и властителями дум? На мой взгляд, простой и мудрый ответ на эти обвинения предложил английский публицист Д. Рейфилд: «Тот факт, что интеллигенты часто обманывались и промахивались, должен приближать их к нам: при всей своей гениальности они остаются человеческими существами»⁹⁰.

Интеллектуал vs. эксперт?

Кросс-темпоральные интеллектуальные коммуникации являются и исследовательским инструментарием, и способом влияния на общественное мнение. Авторы книги «Интеллигенция в политике от дела Дрейфуса до Салмона Рушди» отмечают, что одним из самых цитируе-

⁸⁶ *Gitlin*. 2006. P. 152.

⁸⁷ *Johnson*. 1988.

⁸⁸ *Ibid*. P. 27.

⁸⁹ *Ibid*. P. 342.

⁹⁰ *Reifield*. 1994. С. 223.

мых определений интеллектуала стало предложенное Вацлавом Гавелом: «Интеллектуал – это человек, посвятивший себя и свою жизнь осмыслению мира и широкого контекста происходящего»⁹¹. Широкую известность получило и определение А. Геллой мировой интеллигенции, которая пока не существует, но должна быть создана в связи с новыми вызовами и угрозами: «Объединенная культурно и ценностно страта образованных людей, которые бы взаимодействовали и сотрудничали друг с другом, ориентируясь на универсальные цели и будучи мотивированными общими ценностями»⁹². Вероятно, наиболее выразительным остается суждение Хосе Ортега-и-Гассета: «Интеллектуалом нельзя быть для других, с тем или иным намерением – заработать деньги, блистать, утвердить себя в бурном море общества. Интеллектуалом можно быть только для себя, несмотря на себя, неизбежно... Я понимаю очень хорошо, почему в истории периодически происходило удушение интеллектуала. Я понимаю, что этот человек надоедает “другому” и беспокоит его, так как всегда идет сквозь вещи, а сам не является вещью, но чем-то текучим, пламенным, магнетическим»⁹³. Любопытно, что интеллектуал как герой анализируется современными молодыми исследованиями на примере творчества Ортега-и-Гассета и Э. Саида.

Между тем, Саиду представляется нелепым требовать от интеллектуала быть чем-то вроде рыцаря, чуждого материальным интересам, и осуждать интеллектуалов за то, что они зарабатывают деньги⁹⁴. Но он считает, что основную угрозу существованию интеллектуала в современном мире представляет профессионализм, который понимается им как «работа за деньги, с 9 до 5, а профессиональное поведение – как умение вписаться в рынок, быть презентабельным, непротиворечивым, неполитическим и “объективным”»⁹⁵. Заметим, что это именно та перспектива, которую видят возможной для российской интеллигенции многие ее представители, и которая одним кажется окончательной гибелью, а другим - возвращением к норме, существующей в среде западных интеллектуалов. Если же судить по дискуссии и аналитике в этой среде, то ничего четкого и общепринятого мы там не найдем.

Разграничение интеллектуала и эксперта, либо демаркация между интеллектуальными и экспертными функциями – постоянный сюжет дискуссии об интеллектуалах на протяжении последнего полувека, по

⁹¹ *Intelligentsia in Politics...* 1997. P. 13.

⁹² *The Intelligentsia and the Intellectuals...* P. 27.

⁹³ Интеллигенция и политика. 1978. С. 11.

⁹⁴ *Said*. 1994. P. 69.

⁹⁵ *Ibid*. P. 74.

которому также наблюдается широкий разброд суждений. «Это различие не соответствует ни известному разделению Грамши “органических” и “традиционных” интеллектуалов, ни общепринятому разграничению гуманитариев и технических специалистов (согласно известному разделению двух культур), – объясняет Н. Боббио. – В критерий проводимого мной различия не входят зависимость или независимость от социальных слоев, борющихся за господство, равно как и уровень компетентности (хотя есть определенное родство между идеологом и “традиционным” интеллектуалом, а также между экспертом и “органическим” интеллектуалом; и зачастую идеологами являются гуманитарии, а экспертами – технические специалисты). Данный критерий единственно приемлем в дискуссии, предмет которой – политическая задача интеллектуалов»⁹⁶. Для него «идеологи» – это те, кто поставляет руководящие принципы, делает акцент на целях, подчиняясь этике добрых устремлений, а эксперты – те, кто обеспечивает средства познания, подчиняясь этике ответственности. И те, и другие пишут свои манифесты; в условиях технического прогресса все чаще это делают эксперты (физики, ядерщики, экологи). Так или иначе, и дефиниции, и демаркации связаны с политической ролью и политической ответственностью.

Фуко выявляет формирование новой фигуры интеллектуала-специалиста в противовес интеллектуалу универсальному в послевоенный период. Он поясняет обстоятельство: «писатель как лицо выдающееся начинает исчезать, а возникают преподаватель и университет, может быть, не как главные составляющие, но как “пункты обмена”, как исключительные точки пересечения». Но из этих обстоятельств следует вывод, что университет и преподавание становятся «политически сверхчувствительными областями». Фуко соглашается, что роль интеллектуала-специалиста будет становиться всё более значимой, связывая это «с той разнообразной политической ответственностью, которую ему волей-неволей приходится брать на себя в качестве атомщика, генетика, программиста, фармаколога и т.д.». Логика рассуждений такова: конкретная деятельность интеллектуала-специалиста «влечет за собой такие результаты и последствия, которые оказываются уже не просто узкопрофессиональными или внутриотраслевыми». Его резюме: «Надо изменять не “сознание” людей или то, что у них в голове, но политический, экономический, институциональный строй производства истины»⁹⁷.

⁹⁶ Боббио. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php.

⁹⁷ Фуко. www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php

Бурдые оценивает присутствующую в умах большей части образованных людей дихотомию на *scholarship* (исследовательская работа) и *commitment* (практическая работа, публичная деятельность) как гибельную, а противопоставление «между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои труды другим ученым, и теми, кто вступает в бой, вынося свои знания за пределы научного сообщества» называет искусственным. «На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам *scholarship*, для того, чтобы производить ангажированное, легитимно ангажированное знание, и вводить это знание в бой. В настоящее время у исследователя нет выбора: если он уверен, что существует определенная взаимозависимость между неолиберальной политикой и уровнем преступности, между неолиберальной политикой и признаками того, что Дюркгейм назвал бы аномией, как он может не говорить об этом?»⁹⁸. Бурдые знает, о чем говорит, и подтверждает слова действиями, олицетворяя собой тип интеллектуала-менеджера, руководящего научными и издательскими центрами, интеллектуальной сетью, а также принимающего прямое участие в коллективных акциях протеста против несправедливости.

«У французских интеллектуалов конца XIX века и их коллег начала нового тысячелетия один и тот же нарратив, один и тот же моральный образ, который может быть описан тремя словами: “одиночка против несправедливости”. Этот героический сценарий вдохновлял Сартра и Бурдые, а еще раньше – Золя. Для Золя “отверженные” – это простые люди, живущие своим трудом; для Сартра – жители колоний, пролетарии и евреи; для Бурдые – бедняки, безработные и иностранные рабочие. Согласно этому большому нарративу, угнетенные нуждаются в освободителе – в интеллектуале, который, столкнувшись с грубым попранием морали, превращается в героя мифологических масштабов: он самоотверженно обличает власть имущих и избавляет угнетенных от страданий»⁹⁹. Борьба интеллектуалов против навязывания правыми политической повестки дня в условиях глобализации в значительной мере построена на моральных основаниях и включает сильную протестную составляющую, не предусматривая социальной маргинализации акторов. В эту повестку вновь включается вопрос об альтернативах капитализму или альтернативном капитализме. И такие альтернативы предлагает современный интеллектуал, который может быть вполне коммерчески успешным, как, например, говорят о Славое Жижекe. Жижек как фигура

⁹⁸ Бурдые 2002. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd-pr.html>

⁹⁹ Каунти. 2000.

новой эпохи в интеллектуальной жизни Европы от постмодернистских изощренных метафор переходит к аргументации, «тексты становятся прозрачнее, мысль «спрямляется»¹⁰⁰. Такой интеллектуал успешно осваивает новое медийное пространство и технологии коммуникации.

«Публичная сфера, в которой интеллектуалы плавали как рыбы в воде, стала более всеохватной, а общественный диалог – более интенсивным, чем когда-либо прежде», – замечает Хабермас. Его опасения вызывает то, что «публичная сфера стала менее формализованной, а существующие в ней социальные роли – менее дифференцированными. Перед камерами в студии, где восхитительная ведущая собирает для разговора политиков, экспертов и журналистов, нет вакантного места, которое должен был бы занять интеллектуал. Нельзя сказать, что его там не хватает, ведь другие уже давно исполняют его роль, и даже лучше, чем он сам»¹⁰¹. Известно, что интернет позволяет интеллектуалу сформировать свое пространство, в котором он может быть востребован. Такая востребованность связана с тем качеством, которое выделил Хабермас – «способность первым почуять нечто важное. Он должен быть способен начать волноваться по поводу определенных критических тенденций уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами»¹⁰². Подобная деятельность требует рациональности и отваги, интуиции и готовности к действию. И такая фигура интеллектуала совершенно не похожа на специализированного эксперта, приближенного к власти и служащего ей, приспособившегося к рынку, который так пугает Саида, призывающего интеллектуала лучше оставаться любителем, независимым и незашоренным¹⁰³.

Всплеск дискуссий об интеллектуалах сопряжен с актуализацией их политической роли, критических функций, потому происходит в периоды кризисов, переломных моментов, когда общество нуждается в новых ориентирах. Эти ориентиры интеллектуалы вырабатывают в значительной мере в ходе анализа их собственной роли, миссии, политической и социальной ответственности. Ни в одной стране и ни в один из исторических моментов эта роль и миссия не сводились к узкопрактическим, прагматическим, утилитарным целям. Предназначение интеллектуалов видится в «разрушении старых стереотипов и ограниченных категорий, которые стесняют человеческую мысль и общение»¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Кагарлицкий. 2003.

¹⁰¹ Хабермас. 2006.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Said. 1994. P. 82.

¹⁰⁴ Ibid. P. 4.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6(51).
- Беллоу С. Писатели, интеллектуалы, политики: воспоминания о главном // Иностранная литература. 2005. № 12.
- Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, 2009. 310 с.
- Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Семигин Г.Ю. Антология мировой политической мысли. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php
- Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 285 с.
- Бурдые П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd-pr.html>
- Галкина Л.А. К критике идеологии фабианства. М.: Наука, 1984. 151 с.
- Голиченко Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских исследований. URL: belintellectuals.eu/publications
- Грамши А. Возникновение интеллигенции // Грамши А. Тюремные тетради. URL: http://avtonom.org/old/lib/theory/gramshi_ttetradi.html
- Гуадарама Р.Д. Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики: 1994–2002 // Неприкосновенный запас. 2003. №1 (27). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/guadarama-pr.html>
- Интеллигенция и политика. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1978. 327 с.
- Кагарлицкий Б. Славой Жижек как зеркало левого движения // Критическая масса. 2003. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2003/2/kagar1-pr.html>
- Кайзер Д. 1968-й как вежа американской истории // Неприкосновенный запас 2008. № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ka35-pr.html>
- Кауппи Н. Социолог как моралист: «Практика теории» у Пьера Бурдые и французская интеллектуальная традиция / Пер. с англ. С. Силаковой // НЛЮ. 2000. № 45. URL: <http://infoart.udm.ru/magazine/nlo/n45/kauppi.htm>
- Кахраман Х.Б. Исторический тупик турецких интеллектуалов // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/hasan-pr.html>
- Кертман Л.Е., Рахмиров П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков. М.: Высшая школа, 1984. 159 с.
- Кильдюшов О. Раймон Арон. Пристрастный зритель // Критическая Масса. 2006. №4.
- Шарль, Кристоф. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005. 328 с.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Мертес М. 1968-й как миф // Неприкосновенный запас. 2006. № 7.
- Мирский Д. Интеллигентсия. М.: Советский писатель., 1934. 138 с.
- Нарский И. Российские интеллектуалы XIX –XX веков (несколько предложений по поводу теоретической рамки обсуждаемой проблематики) // Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения / Под ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. М.: Университетская книга. 2009. Т. 16.
- Рахмиров П.Ю. Американские консерваторы и имперская идея. Пермь: ЗУИЭП, 2007. 226 с.
- Рейфилд Д. Заметки об Англии // Иностранная литература. 1994. № 6.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.

- Тодоров Ц. Человек, потерявший родину // Иностранная литература. 1998. № 6.
- Ухтомский Ник. Антиинтеллигентская традиция. URL: <http://hvac.livejournal.com/217558.html?format=light>
- Фуко М. Политическая функция интеллектуала. Извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php
- Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. 2006. № 3(47). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. URL: http://fondint.narod.ru/bibl/alf/24sch/01/schum/schum_kapit.html
- Элбаум М. Система под ударом // Неприкосновенный запас. 2006. № 7.
- Anderson P. Origins of the Present Crisis // The New Left Review. 1964. N 23.
- Annan N. Intellectual Aristocracy // Studies in Social History / Ed. by J. Plumb. L.: Longmans, 1955.
- Annan N. Leslie Stephen. His Thought and Character in Relation to his Time. L.: McGibbon&Kee, 1951.
- Burns R., W. van der Will. Intellectuals as Cultural-Agenda Setters in Federative Republic? // International Journal of Cultural Policy. 2006. November. Vol. 12. N 3.
- Christofferson M.S. French Intellectual against the Left. The Antitotalitarian Moment of the 1970s. N.Y.; Oxford: Berghalm Books, 2004.
- Fyvel T.R. Intellectuals Today. Problems in a Changing Society. L.: Chatto & Windus, 1968.
- Gattono Ch. F. The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.
- Gellner E. La Trahison de la Trahison des Clercs // The Political Responsibility of Intellectuals / Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge. N.Y. Cambridge University Press, 1990. 312 p.
- Gitlin T. The Intellectuals and the Flag. N.Y.: Columbia University Press, 2006.
- Goldman L. Dons and Workers. Oxford and Adult Education since 1850. Oxford: Clarendon Press, 1995. 363 p.
- Hankiss E. The Loss of Responsibility // The Political Responsibility of Intellectuals...
- Heyck T.W. The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. L., 1982. 271 p.
- Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement / Ed. by Alain G.Gagnon. Praeger, N.Y.; L., 1987. 255 p.
- Intelligentsia in Politics from Dreyfus Affair to Salmon Rushdies / Ed by J. Jennings and A. Kemp-Welch. L.; N.Y.: Routledge, 1997.
- Jacoby R. The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe. N.Y., 1987. 320 p.
- Johnson P. Intellectuals. From Marks and Tolstoy to Sartre and Chomsky. L.: Harper&Row, 1988. 388 p.
- Kurczewski J. Power and Wisdom: the expert as mediating figure in Contemporary Polish History // The Political Responsibility of Intellectuals...
- Lipset S.M., Dobson R.B. The Intellectual as Critic and Rebel. With special reference to the United States and the Soviet Union // Daedalus. 1972. Vol.101. N 3.
- Mirskiy D. The Intelligentsia of Great Britain. L.: Gollantz, 1935.

- Mkandavire T.* Non-organic Intellectuals and “Learning” in Policy-Making Africa. Working Paper. EGDI seminar. 24.08.2000.
- Molnar M.* The Hungarian Intellectual and the Choice of Commitment or Neutrality// The Political Responsibility of Intellectuals... .
- Russel B., Power. A.* New Social Analysis. L.: Allen&Unwin, 1957.
- Said E.W.* Representations of the Intellectual. N.Y.: Vintage books., 1994. 121 p.
- Shils E.* The Intellectuals and the Powers: Some perspectives of Comparative Analysis // On Intellectuals. N.Y.: Garden City. 1970.
- Sokka S., Kangas A.* Intellectuals, Nationalism and the Arts // International Journal of Cultural Policy. 2007. Vol.13. N 2.
- The Intelligentsia and the Intellectuals. Theory, Method and Case-Study / Ed.by A.Gella. L.: Sage, 1976.
- The Political Responsibility of Intellectuals / Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge. N.Y., 1990. 312 p.
- The Rise of Neoconservatism: Intellectuals and Foreign Affairs, 1945-1994 / By John Ehrman. Yale University Press, 1996. 256 p.
- Tuchman T.* The Proud Tower. A Portrait of the World before the War. 1890-1914. N.Y.:Ballantine Books, 1996. 558 p.
- Viereck P.* Shame and Glory of the Intellectuals. Babbit Jr. vs. Rediscovery of Values. N.Y.: Capricorn Books, 1965. 330 p.
- Vihavainen T.* The Inner Adversary. The Struggle against Philistinism as the Moral Mission of the Russian Intelligentsia. N.Y.: New Academia Publishing, LLC. 2006. 355 p.
- Webb B.* My Apprenticeship. L.: Longmans, 1926. 442 p.
- Woolf L.* The Journey not the Arrival Matters: an Autobiography of the Years 1939 to 1969. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich , 1969. 312 p.

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. Lafadeeva2007@yandex.ru